

Данилова Е. Н.

БАЛАНС ИНДИВИДУАЛИСТСКИХ И КОЛЛЕКТИВИСТСКИХ ЦЕННОСТЕЙ: СРАВНЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ШАНХАЯ

Данилова Елена Николаевна — кандидат
социологических наук, заведующая отделом
теоретического анализа социальных трансформаций
Института социологии РАН
E-mail: endanilova@gmail.com
Тел: +7 (499) 125 79 20

Аннотация. Статья основана на анализе данных сравнительного исследования, проведённого в двух больших городах России и Китая — в Шанхае и Санкт-Петербурге. Сравняются ценностные предпочтения людей, охарактеризовавших себя как выигравших, либо как проигравших в ходе реформ, с точки зрения баланса ориентаций на индивидуалистические и кооперативные ценности.

Ключевые слова: индивидуализация, ценности, реформы, выигравшие, проигравшие.

Введение

Наблюдения последних лет свидетельствуют о стремительном росте индивидуалистических тенденций в России. Исследования с помощью так называемых этнометрических методов, например, по методике Хофштеда, выявили, что индекс индивидуализма россиян не так уже мал [Danilova, Yadov, 2010: 143-161]. А данные, полученные в ходе Европейского исследования ценностей, обнаружили, что показатели ценностей самоутверждения в России чрезвычайно высоки в ущерб ценности заботы о всеобщем благе и окружающих [Magun, Rudnev, 2010: 3-57]. Опросы по общенациональным выборкам также свидетельствуют о росте индивидуалистических ориентаций и о невысокой доле тех, кто демонстрирует кооперативные и альтруистические ценности (18% готовы сотрудничать с другими, 13% разделять ответственность за то, что происходит в стране) [Готово ли российское

общество..., 2010: 91]. Неудивительно, что индекс гражданского участия россиян по данным Европейского социального исследования один из самых низких в Европе. «Сейчас каждый сам за себя» – характерные высказывания респондентов, которые можно услышать во многих интервью и бытовых разговорах.

Объяснений подобных тенденций несколько. Одни это часто связывают с тем фактом, что после распада патерналистской системы Советского Союза бремя социальных изменений легло на плечи граждан, и они должны нести всю ответственность за происходящее с ними и их семьями сами [Лапин, 2003]. Тем не менее, объяснение роста индивидуалистических настроений только утратой патернализма – недостаточно. Другие объясняют данный факт общим эволюционным необратимым процессом, продолжением начатого во времена интенсивной индустриализации и урбанизации, в том числе и за годы социализма, осовременивания индивида, «высвобождения» индивидов из семейных и других традиционных уз. Индивидуализацию часто рассматривают как неотъемлемую черту сначала современных обществ, теперь глобализации, характерную ныне для всех обществ. Такие авторы как У. Бек и З. Бауман считают индивидуализацию несомненным фундаментальным изменением в природе общества и индивидов на нынешней стадии современности [Bauman, 2001; Beck, 2002]. Они полагают, что индивидуализация проявляется в результате ослабления традиционных социальных институтов, таких как семья, государство, класс, этническая группа. В результате люди чувствуют себя незащищенными, подверженными различным рискам, неопределённостям, связанными, прежде всего, с возможностями множественных выборов своей идентификации. Многие авторы, начиная с классиков, – Тённиса и других – обеспокоены тем, что слабеют кооперативные силы обществ, что всё более значимыми становятся исключительно приватные интересы. Некоторые из авторов находят в растущей индивидуализации и первопричины современных экономических кризисов [Archer, 2010]. При этом с другой стороны, индивидуализация рассматривается и в качестве эмансипирующего процесса, когда индивиды освобождаются от «оков» традиционных связей и открывают всё больше пространства для самих себя, для собственной самореализации. Однако такие тенденции касаются, по признанию самого Бека, только развитых западных обществ. А что происходит в обществах, по выражению В. А. Ядова, незрелых, трансформирующихся [Ядов, 2006: 24]?

В какой мере проявляются эти тенденции среди урбанизированной(!) части населения России и Китая; в странах, переживающих глубокие социальные трансформации? В рассматриваемых странах процесс индивидуализации имеет несколько иную природу, нежели в странах Запада. Этот процесс также спровоцирован беспрецедентно быстрыми общественными изменениями, которые, безусловно, не могли не сказаться на сознании и жизненных практиках людей. В частности, в России результатом последних лет стали глубокая деинституционализация и делегитимация предшествующих (советских) норм и ценностных представлений.

Данные сравнительного исследования, проведённого в двух больших городах России и Китая – в Шанхае и Санкт-Петербурге – дают представления об общем и различиях в ориентациях на индивидуалистические и кооперативные ценности.

Сравниваемые нами объекты представляют собой довольно разные культуры и даже цивилизации. Правомерен вопрос: а можно ли сравнивать представителей столь различных в культурном отношении стран? Культурные различия, безусловно, были ожидаемы и проявились в исследовании. Однако, посмотрев через призму социальных фильтров, сравнивая ценностные предпочтения людей, охарактеризовавших себя как выигравших, либо как проигравших в ходе реформ, можно увидеть не только культурную подоплёку процессов индивидуализации.

Индивидуализация в данном случае понимается как процесс, имеющий место в ценностном поле и социальных отношениях, когда индивиды всё более концентрируются на личностных качествах, связанных в их сознании с достижениями индивидуального успеха в обществе. Объяснения процессам индивидуализации можно искать не столько в освобождении индивидов от оков традиционных сообществ, сколько в том, какие качества под влиянием перемен становятся всё более востребованными, как видится стратегия успеха в данных условиях. Поэтому анализ данных проводился на группах, определивших себя как выигравшие и проигравшие в ходе реформ.

Ощущение жизненной неопределённости появляется у людей, переживающих эпоху перемен, не столько из-за трудностей выбора из всё большего числа различных возможностей, сколько из-за постоянных внешних структурных изменений и меняющихся «правил игры» в обществе. При неясности в нормативной и институциональной системе индивид вынужден формировать свои практики и поведенческие стратегии, которые могут вписываться, а могут и не вписываться в общий социальный контекст, могут быть успешными или неуспешными, могут принимать в расчёт других, а могут опираться только на свои силы. В России недостаток доверия свидетельствует о «другой», нежели в странах Запада, неопределённости. На протяжении нескольких лет большинство социологических опросов показывают удручающе низкий

уровень доверия населения к различным государственным институтам, и межличностного доверия. В отличие от Китая, где уровень доверия достаточно высок [Сасаки М. и др. 2010; Козырева, 2011]. По результатам World Values survey (2006) в Китае доверие правительству выказывало 97% населения, что гораздо выше, например, чем в США (37%); исследования также показывают, что население крупных городов имеет довольно высокий уровень доверия местным правительствам (67%) [China urbanizes..., 2008: 13].

Индивидуализацию такого рода часто называют «аномичной» и неудивительно, что ныне наблюдается активное употребление классического в социологии понятия «аномия» применительно к российской действительности, причём вполне адекватен смысл этого понятия с точки зрения и Дюркгейма, и Мертона: наблюдается и смена регулятивных норм, и расхождение между навязанными обществом образцами успеха и способами их достижения, имеющих в расположении индивидов. Индивидуализация – процесс неоднозначный, имеющий как функциональные, так и дисфункциональные последствия, особенно в обществах, где осуществляются кардинальные реформы. Рассмотрению индивидуализации всегда сопутствует вопрос: не происходит ли это в ущерб заботе об общем благе и выполнению социальных обязательств? Функциональными последствиями, согласно классикам структурного функционализма, являются те, что работают на пользу всего общества: повышение мотивации к работе и самореализации, к саморазвитию (образованию), развитие здоровой конкуренции. Однако для того, чтобы такая мотивация реализовалась, необходимы общественные условия: равенство возможностей; общественный моральный консенсус по поводу разделяемых ценностей; институциональное и межличностное доверие, стимулирующие выполнение взаимных обязательств и профессиональную мобильность; достижение индивидуальных целей при взаимном уважении и безразличии к общественным интересам. Примерно таков идеальный западный тип индивидуализации. Дисфункциональность индивидуализации связана с нежеланием выполнения взаимных обязательств. Такую индивидуализацию можно было бы назвать эгоистической. Отсутствие вышеперечисленных условий усиливает дисфункциональную составляющую индивидуализации, приводит к дисбалансу в социорегулятивной системе.

Необходимо различать процесс индивидуализации и индивидуализм. Индивидуализм – культурная черта, которая часто рассматривается как оппозиция коллективизму. Например,

англо-саксонские культуры считаются высоко индивидуалистическими. Китайская культура относится к типу коллективистских, как и многие другие азиатские культуры [Hofstede, 1994]. В этих культурах люди больше говорят и думают в терминах «мы»; больше внимания уделяют групповым коллективным отношениям. Китайские исследователи часто употребляют термин «Guanxi» для того, чтобы показать важность социальных отношений, построенных на близких связях, взаимном доверии и ответственности. Этот концепт предполагает, что индивид не может быть независим, — он обязательно вовлечён во взаимовыгодные отношения и связи с другими [Yang Yiyin, 2010: 2-18]. Для азиатских культур, таких как китайская, важно гармоничное и лояльное отношение к любым коллективам; при этом прямая конфронтация с членами коллектива сознательно избегается. Невозможно прямо и публично выразить несогласие с мнением других — это можно сделать только в приватной атмосфере с глазу на глаз, чтобы не допустить «потери лица» другого. Благополучие коллектива, группы или компании значительно важнее, чем индивидуальное, а своими достижениями индивид всегда обязан коллективу.

В Китае сейчас популярна книга известного китайского социолога и антрополога Фей, вышедшая в свет ещё в 1948 г. и изданная на английском языке в 1992 г. В ней даётся понимание ключевого различия между западным и китайским индивидом. В западном обществе, по мнению Фей, индивиды создают организованные группы с чёткими границами, правами и обязанностями. Все знают, кто является членом группы, кто нет. Такие организации (фирмы, клубы, школы, бюрократии и т. п.) формируют общество и его социальную структуру. И в рамках таких «жёстких» структур индивиды социализируются, при этом оставаясь относительно автономными. В китайском же обществе другая логика. Общество построено не на отдельно функционирующих организациях, а на взаимно перекрывающихся сетях, когда каждый индивид одновременно связан с другими посредством определённых отношений (а не членством в группах). Таким образом, он встроен во множественные социальные отношения с другими людьми, эмоционально связан с ними личными обязательствами, и каждое из отношений (guanxi) нормативно задано и очень лично одновременно [Fei Xiaotong, 1992].

Что касается российского человека, споры о его культурном характере идут до сих пор. Коллективизм российских граждан весьма спорен. Одни исследователи приписывают эту черту национальному характеру. Так, например, К. Касьянова фиксировала высокие показатели «диффузности общения» у россиян по сравнению с американцами. Эта характеристика близка к той, что описывается понятием guanxi. Но это исследование проводилось в 60-е годы XX века [Касьянова, 1994: 249-265]. Другие часто говорят о том, что коммунистические режимы воспитали и усилили коллективистские

ценности и интересы, что можно было бы сравнить с жизнью в традиционном религиозном обществе [Левада, 1997: 9]. «Человек советский» был подчинён коллективным интересам и нормам. Есть и другая точка зрения о том, что коллективизм советского времени имел функциональную природу легитимации распределительных отношений. Например, в советских трудовых коллективах формировалось чувство ответственности за общее дело [Ядов, 2006: 80], с одной стороны, но при этом советский рабочий мог списать свой брак на смежника, инструментальщика и т. п. [Здравомыслов, Ядов, 2003].

Следуя постулату об устойчивости культуры, понимаемой как разделяемые сообществом ценностные структуры, определяющие «типичные действия в типичных обстоятельствах», трудно представить, что за довольно короткий промежуток времени культурные черты так сильно изменились. Возможно другое объяснение. Индивидуалистический характер личности был заложен в практиках «нормализации» в советское время, что обоснованно описал О. Хархордин [Хархордин, 2002]. В настоящее время сняты идеологические рамки советского периода, и массовое сознание быстро адаптировалось к другому идеологическому дискурсу, в данном случае к неолиберальному. Неолиберальная идея индивида свободного рынка базируется на понимании «самодостаточного индивида» («autarchic self»), предполагающего, что индивид сам в состоянии властвовать над своей жизнью и устанавливать отношения с себе подобными. При этом успех или неудачи, например, в случае безработицы или превращения в «лузера», представляются как зависящие исключительно от недостатка усилий человека. Такое представление основано на рыночной интерпретации всех типов социальных отношений, когда любой человек рассматривается как свободный предприниматель, организующий собственную жизнь как предприятие, а каждое социальное отношение — как контракт (акт купли-продажи). Все формы отношений, в том числе взаимоотношения работников одной компании или членов семьи, рассматриваются как виды суб-рыночной конкуренции. Однако это может быть эффективным в том случае, если обеспечены равные возможности для всех, в том числе равенство перед законом, условия конкуренции, при которых люди могут реализовывать себя и капитализировать свои личностные ресурсы, когда результат действительно зависит от индивидуальных способностей и усилий. Если таковых условий нет, появляются ножницы между индивидуалистическими представлениями об успехе и институци-

ональными условиями (рынок труда, например), наблюдается дисбаланс между индивидуалистическими стратегиями успеха и нормами человеческого общежития, и вся система видится несправедливой, что на практике выражается в конкуренции в социал-дарвинистском ключе, т. е. выживания наиболее приспособленных к данной среде «обитания».

Выбор наиболее ценных качеств

В двух городах респондентам задавался вопрос: «*Какие качества Вы больше всего цените в людях?*». Вопрос предполагал несколько ответов (но не более трёх). Простые распределения ответов уже позволяют говорить о сходствах и о различиях в ценностных ориентирах жителей двух городов.

Условно качества можно разделить на индивидуально-конкурентные и кооперативные (первые можно назвать индивидуалистскими, а вторые – коллективистскими). К первой группе относятся качества, ориентированные на индивидуальные конкурентные возможности: трудолюбие, профессионализм, предприимчивость, умение добиваться успеха, чувство собственного достоинства, инициативность, активность, творческий подход к делу. Ко второй группе можно отнести качества, характеризующие моральные и кооперативные ориентации, принимающие во внимание интересы других: честность, ответственность, равнодушие, уважение к старшим, законопослушность, готовность принять участие в общих делах, смирение и послушание.

Различия, обусловленные культурой, были вполне ожидаемы, соответственно отразились и в данных (см. таблицу 1).

Таблица 1

Качества, наиболее ценимые в людях, %

Качества	Санкт-Петербург	Шанхай
Конкурентные личные качества (достижения индивидуального успеха)		
Трудолюбие	52,1	43,1
Профессионализм	51,3	21,1
Предприимчивость, умение добиваться успеха	44,9	37,3
Чувство собственного достоинства	43,6	10,4
Инициативность, активность, творческий подход к делу	42,1	34,6
Кооперативные качества		
Честность	61,6	67,7
Ответственность	56,1	69,2
Равнодушие	31,7	40,5

Продолжение таблицы 1

Качества	Санкт-Петербург	Шанхай
Уважение к старшим	22,2	35,6
Законопослушность	18,5	39,6
Умение приспособиться	13,7	25,5
Готовность принять участие в общих делах	16,2	14,3
Смирение, послушание	5,2	11,3

Если принять условное деление на индивидуальные конкурентные и кооперативные качества, то жители китайского мегаполиса в большей степени, чем жители российской северной столицы, ценят в людях кооперативные качества. Культурные различия проявляют себя в более частом выборе шанхайцами качеств, традиционно ценимых в китайском обществе: уважение к старшим, а также смирение, послушание, умение приспосабливаться — их отмечали чаще, чем в Санкт-Петербурге. А современные петербуржцы чаще, чем шанхайцы, выбирают конкурентные личностные качества, но реже — законопослушность и ответственность. Особое значение имеет для россиянина чувство собственного достоинства: петербуржцы заметно чаще ценят это качество (44%). Для шанхайцев же оно из числа наименее важных (10%). Не потому ли, что «сохранение лица» это норма? Проявление своей индивидуальности и достижений не сильно поощряется китайской культурой и нормами общежития. Для россиян же это качество становится всё более значимым. По данным Европейского социального исследования ценности самоутверждения наиболее выбираемы в России по сравнению с другими странами Европы. Примечательно, что по частоте выбора в Санкт-Петербурге «чувство собственного достоинства» сильно опережает законопослушность (44% против 19%), законопослушность же в Шанхае выбирается значительно чаще — 40%. Для петербуржцев и профессионализм¹ гораздо важнее законопослушности (профессионализм выбрали 51% петербуржцев в сравнении с 21% шанхайцев), а законопослушность — 19% (в сравнении с 40% шанхайцев).

¹ Действительно, различия значимы в выборе трудовых ценностей (трудолюбие и профессионализм), приверженность им в большей степени проявили петербуржцы. В Санкт-Петербурге «профессионализм» и «трудолюбие» выбрали более половины опрошенных, в то время как в Шанхае эти качества выбрали всего 21% и 43% соответственно. Казалось бы, данные идут вразрез с представлениями о китайской культуре трудолюбия. Возможно, в Китае трудолюбие принимают как само собой разумеющееся, как норму, характерную для большинства работников, поэтому не выделяют это качество в качестве значимой ценности. И, наоборот, возможно в Петербурге эти качества видятся дефицитными и потому особо ценными. На самом деле, высокие оценки приобретают те качества, которые не свойственны большинству населения, а которые сильно дифференцируют население. Так трудолюбие и профессионализм может быть сильно дифференцирующим признаком в Петербурге, тогда как в Шанхае эти качества кажутся нормой.

Можно увидеть и одинаковые тенденции в ценностном поле граждан двух городов. Всё же самыми распространенными ценностными ориентациями и в Санкт-Петербурге, и в Шанхае являются честность и ответственность.

Конкурентные качества ценятся выше в Петербурге, но и в Шанхае такие качества как предприимчивость, инициативность и активность — отмечает довольно высокий процент жителей (более 30 %). Можно отметить как общую тенденцию высокую значимость качеств, которые востребованы развитием рынка и конкуренции. Даже в Шанхае эти конкурентные качества выигрывают в частоте выбора по сравнению с традиционными и коллективистскими, такими как смирение, послушание, умение приспособливаться и готовность к участию в решении общих дел. Названные кооперативные качества находятся на периферии выбранных ценностей (их отметили от 10 до 25% опрошенных в Шанхае, и от 5 до 16% — в Санкт-Петербурге). В обоих городах жители одинаково не очень охотно участвуют в решении общих дел и проблем, однако для шанхайцев чуть более важно в людях неравнодушие к тому, что происходит вокруг.

Итак, особенностью современного российского горожанина является большая ориентация на конкурентные личностные ресурсы, в то время как китайцы в большинстве своем сильнее ценят моральные устои и отношения с окружающими.

Неудивительно, что полученные данные вполне согласуются с принятыми представлениями о культурных чертах, по крайней мере, если говорить о китайской культуре, которая сохраняет коллективистские ценности. Россияне более склонны проявлять индивидуалистские черты.

Сравнение по возрастным группам

В двух городах обнаружены различия между молодёжью и взрослым населением в том, какие качества они выбирают. Общая тенденция — чем моложе респонденты, тем чаще они ценят конкурентные качества, такие как предприимчивость, умение добиваться успеха, инициативность, активность, прагматизм. Однако эта тенденция намного ярче выражена в Санкт-Петербурге (см. таблицу 2).

Безусловно, проявление индивидуальных конкурентных качеств более свойственно молодому возрасту, однако, при этом в отношении к моральным и кооперативным качествам в Санкт-Петербурге сравнительно с Шанхаем явно прослеживается следующая тенденция: чем горожане моложе, тем меньше ценность общественно значимых качеств, таких как честность, неравнодушие, законопослушность, трудолюбие и профессиона-

лизм. В Шанхае расхождения в ценностных приоритетах между поколениями значительно слабее, чем в Санкт-Петербурге. Более того, молодёжь в Шанхае ценит ответственность сильнее, чем люди старших поколений.

Таблица 2

**Конкурентные и кооперативные качества:
различия между возрастными группами, %**

Качества	Санкт-Петербург			Шанхай		
	Возрастные группы			Возрастные группы		
	19-34	35-54	55+	19-34	35-54	55+
Конкурентные						
Трудолюбие	37,9	53,8	77,0	38,5	46,3	47,1
Профессионализм	46,4	56,8	50,2	20,0	22,4	20,1
Предприимчивость	55,7	43,5	25,5	38,2	38,8	30,0
Чувство собственного достоинства	50,6	41,3	33,9	10,4	9,9	13,3
Активность	50,6	41,5	23,0	41,4	30,7	26,7
Прагматизм, рациональность	16,3	13,7	8,8	18,3	22,0	18,3
Кооперативные						
Ответственность	53,4	56,7	59,8	73,2	66,2	66,8
Законопослушность	12,7	18,4	31,8	39,5	37,9	45,7
Честность	54,2	61,7	74,5	66,6	68,1	69,5
Неравнодушие	29,4	31,0	37,7	40,0	39,7	44,4
Миролюбие	27,7	25,1	22,2	25,4	28,0	28,4
Послушание	4,5	4,9	7,5	8,0	15,0	9,8
Готовность к участию	21,8	13,3	10,9	14,5	13,0	17,9
Уважение к старшим	19,9	22,5	28,0	33,5	35,3	42,5
Умение приспособиться	17,2	13,7	7,1	28,2	25,2	18,5

Молодые жители Санкт-Петербурга, с одной стороны, значительно чаще, чем старшие, ориентируются на чувство собственного достоинства. Половина молодых респондентов выбрали это качество. Вместе с тем молодые петербуржцы демонстрируют несколько большую, нежели предыдущие поколения, готовность к участию в решении общих дел, хотя процент ответов все же незначительный (22%). В данных проведённого исследования также можно наблюдать незначительную тенденцию усиления ценности активности и предприимчивости в молодых возрастах.

Другие сравнительные исследования обнаруживают те же тенденции. Так, например, сравнение российской молодёжи с её сверстниками в других европейских странах свидетельствует о том, что у среднего молодого

россиянина крайне высока значимость «эгоистических» ценностей. И при этом крайне слабо выражены «надиндивидуальные» ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также ценности, связанные с заботой об окружающей среде. Важно подчеркнуть, что речь идёт о крайне сильной выраженности не всех индивидуалистических ценностей, а только ценностей *самоутверждения*, которые напрямую связаны с конкуренцией между людьми («игрой с нулевой суммой») и потому наиболее явно противостоят ценностям заботы о других людях и природе. Другие индивидуалистические ценности — гедонизм и самостоятельность — наоборот, как показано выше, выражены у россиянина пока слабее, чем у большинства других европейцев [Магун, Руднев, 2008: 33-58].

В Шанхае не выявлено значимых различий между молодёжью и взрослым населением по рассматриваемым качествам. Полученные данные свидетельствуют также о том, что в китайском обществе наблюдается межпоколенная трансляция ценностей, когда молодёжь не сильно отличается от старших поколений. По российским данным ценностные расхождения между молодёжью и старшими поколениями более заметны.

Из сказанного могут следовать два предположения. Первое: трансформация системы ценностной парадигмы в российском обществе более заметна среди молодых поколений граждан. Это предположение хорошо согласуется с выводами многих российских авторов, которые отмечают, что предшествующие советские ценности подверглись сильной делегитимации [Лапин, 2003], [Магун, 1994]. За прошедшие годы сильно укрепились индивидуалистские достижительные ценности, прежде всего, среди молодых. По данным Европейского социального исследования (ESS) в России межвозрастной / межпоколенческий ценностный разрыв между молодёжью (до 24 лет) и пожилыми (старше 61 года) самый большой из 32 европейских стран и второй по данным Всемирного исследования ценностей (WVS) из 47 стран мира. А ценностный консенсус в России по большинству ценностных показателей один из самых низких в Европе. Причина этого — в крайне большом размере межвозрастных / межпоколенческих ценностных различий [Магун, Руднев, 2010: 96-103].

А в китайском обществе относительно плавные реформы пока не сильно подвергли коррозии базовые коллективные ценности; не так заметно сказались на представлениях разных поколений, поскольку радикальной смены идеологической направленности не происходило. Второе: китайская культура, возможно, являясь прагматичной, консервативна и устойчива по отношению к воздействию социальных перемен. Данные проведённого исследования позволяют сделать некоторые предположения на этот счёт, но не проверить их.

Выбор выигравших и проигравших в ходе реформ

За очевидными культурными различиями кроются и факторы социальной природы, такие, которые совокупно разделяют население на выигравших и проигравших в ходе реформ [Данилова, 2012: 58-73]. На что ориентируются выигравшие, что требуется, чтобы чувствовать себя выигравшим, какие качества они ценят и что отличает их от проигравших? Представления выигравших — это индикаторы нормативных требований к успешным индивидам: то, что они выбирают, означает, что именно с такими качествами связывается успешная стратегия, на эти качества есть общественный запрос. Анализ ценностных ориентиров выигравших служит той призмой, сквозь которую можно увидеть моральные и ценностные ресурсы данного общества, его новые нормативные установки.

Кроме того, как правило, люди ценят в других то, что свойственно им. В ответах на вопрос: «Какие качества Вы цените в людях?» респонденты проецируют свои представления о самих себе, идентифицируются с себе подобными. Поэтому выбор значимых качеств является описанием самих выигравших и проигравших.

В исследовании был предусмотрен вопрос о том, как жители городов оценивают влияние реформ на их собственную жизнь, относятся ли они себя к числу выигравших от проводимых преобразований или, напротив, считают, что вследствие реформ они понесли потери. Произошедшие изменения вызывают одинаково неоднозначную реакцию у населения двух городов, о чём свидетельствуют схожие пропорции в ответах и российских, и китайских респондентов. Одинаковы доли проигравших (в Санкт-Петербурге — суммарно «проиграл» и «скорее проиграл» 24,8%, в Шанхае — 22,3%) и тех, кто оценивает своё положение без изменений (в Санкт-Петербурге — 34,8%, в Шанхае — 36,3%). Тем не менее, в целом доля тех, кто идентифицирует себя с выигравшими от реформ в Шанхае больше, чем в Санкт-Петербурге (суммарно «выиграл» и «скорее выиграл» 33,1% против 27,3% соответственно). Перевес, однако, не настолько существенен, чтобы можно было назвать его решающим (см. таблицу 3).

Выделенные группы различаются, прежде всего, уровнем достигнутого материального положения, а именно доходом [Данилова, Черныш, 2010: 25-52]. Материальный успех — основной признак, дифференцирующий выигравших и проигравших: чем выше доход, тем выше вероятность самоидентификации с выигравшими.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Вы сами “выиграли” или “проиграли” в результате реформ?» ,%

Группы	Ответы	Санкт-Петербург (N=1300)	Шанхай (N=1604)
Выигравшие	«Выиграл»	4,2	1,9
	Скорее «выиграл»	23,1	31,2
Без изменений	Все осталось по-прежнему	34,8	36,3
Проигравшие	Скорее «проиграл»	17,0	12,3
	«Проиграл»	7,8	8,0
Затрудняюсь ответить		13,0	10,2
Средняя		2,99	3,06

Баланс конкурентных и кооперативных качеств в данном контексте очень важен. Дисбаланс очевиден, когда наблюдается перекокс – стремление к индивидуальному успеху идёт в ущерб уважению к ценностям социального общежития. Анализ выявил значительные различия в качествах, которые выбирают выигравшие и проигравшие. Различия особенно заметны в Санкт-Петербурге, где выигравшие гораздо более индивидуалистичны, чем проигравшие. Для них гораздо важнее, чем для проигравших, конкурентные качества. Это неудивительно, ибо они выигравшие. Но при этом ценность общественно-значимых кооперативных качеств у выигравших ниже, чем у остальных. Законопослушность, например, выбирают всего около 18% выигравших, ответственность и честность – только половина.

Напротив, в Шанхае выигравшие чаще выражают уважение качествам социальным, таким как ответственность, честность, законопослушность. Значимых различий в выборе конкурентных качеств между выигравшими и проигравшими в Шанхае нет (см. таблицу 4).

Таблица 4

Выбранные качества по группам самоидентификаций, %

Качества	Санкт-Петербург			Шанхай		
	Выиграл	Не выиграл, не проиграл	Проиграл	Выиграл	Не выиграл, не проиграл	Проиграл
Конкурентные качества						
Трудолюбие	50,7	53,9	53,6	41,4	44,0	37,0
Профессионализм	53,5	51,0	48,9	30,9	34,9	49,5
Предприимчивость	56,1	41,9	33,1	30,9	34,7	32,1
Активность, инициативность	49,6	41,1	35,0	7,3	10,0	18,4

Продолжение таблицы 4

Качества	Санкт-Петербург			Шанхай		
	Выиграл	Не выиграл, не проиграл	Проиграл	Выиграл	Не выиграл, не проиграл	Проиграл
Чувство собственного достоинства	47,9	41,5	43,3	1,1	24,2	21,8
Кооперативные качества						
Ответственность	50,1	56,1	62,5	77,3	67,0	59,6
Честность	53,2	63,1	67,8	71,4	63,6	63,6
Законопослушность	17,7	20,1	18,3	47,8	34,4	31,3
Готовность к участию в общих делах	18,0	16,3	14,2	15,3	14,2	15,5
Нравнодушие	24,5	31,3	40,9	38,1	46,9	41,7
Умение приспосабливаться	13,8	12,6	12,4	25,4	22,1	33,4
Уважение к старшим	14,9	19,9	33,7	38,8	32,7	36,2

Различия подтверждаются корреляционным анализом. Построенные индексы конкурентности и кооперативности имеют связь с самооценкой, но связь эта различна в двух городах. В Санкт-Петербурге чем вероятнее респондент относит себя к выигравшим, тем чаще он выбирает конкурентные качества (Коэффициент корреляции Пирсона = 0,230) и тем реже – социальные (Коэффициент корреляции Пирсона = -0,167). В Шанхае обратная картина: чем вероятнее самоидентификация с выигравшими, тем чаще выбираются моральные и социальные качества (Коэффициент корреляции Пирсона = 0,190), и тем реже – конкурентные (Коэффициент корреляции Пирсона = -0,177). Результаты регрессионного анализа¹ свидетельствуют о том, выбор каких качеств имеет большую вероятность влияния на самоопределение индивида в качестве выигравшего. Так, предикторами самоидентификации выигравшего в Санкт-Петербурге являются выбор конкурентных качеств (предприимчивость и активность), а в Шанхае – кооперативных (законопослушность и ответственность) (см. таблицу 5).

Итак, важные различия между городами выявлены по группам выигравших. В Петербурге выигравшим более свойственны индивидуалистические ценности, и менее – социально-кооперативные. Этим они отличаются от остального населения. В Шанхае, наоборот, выигравшие отличаются более частым выбором социально-значимых качеств.

¹ Использовалась бинарная статистическая регрессия, где зависимой переменной выступал выбор респондентом идентификации в качестве выигравшего (1), а независимой – наличие выбора личностных качеств.

Таблица 5

Качества, определяющие самоидентификацию «выигравший»

Качества	B	S.E.	Wald	Df	Sig.	Exp(B)
Санкт-Петербург						
Предприимчивость	0,558	0,127	19,327	1	0,000	1,748
Инициативность, активность	0,366	0,127	8,251	1	0,004	1,441
Constant	-1,412	0,104	183,057	1	0,000	0,244
Шанхай						
Законопослушность	0,467	0,108	18,615	1	0,000	1,596
Ответственность	0,565	0,123	21,214	1	0,000	1,760
Constant	-1,302	0,113	131,823	1	0,000	0,272

Идентификации выигравших.
Каким надо быть и на кого рассчитывать,
чтобы чувствовать себя выигравшим?

Если мы обратимся к блоку самоидентификаций, то также получим различающиеся картины. Для сравнения возьмём две категории, которые были предложены респондентам для выбора в числе других. Самоидентификацию «такой как все», характеризующую среднего, можно сказать, конформного члена общества – скорее не-индивидуалиста, и «хозяин своей судьбы», характеризующую людей с высокой самооценкой, распоряжающихся своей судьбой.

Весьма показательны пропорции выбора этих идентификаций. В российском городе идентичность «хозяина» выбирается чаще (31%), чем «конформиста» (23%), а в китайском – наоборот, идентичность «такой как все» преобладает (почти половина – 47% – выбрали эту идентификацию по сравнению с 16% отметивших формулу «хозяин своей судьбы»). Культурные различия очевидны.

Однако важно, что в обоих городах выигравшие значимо отличаются от проигравших частотой выбора идентификации «хозяин своей судьбы» (в Санкт-Петербурге 43% среди выигравших по сравнению с 20% среди проигравших, а в Шанхае 28% по сравнению с 9% соответственно).

Нетрудно предположить, что те, кто описывает себя как «хозяина своей судьбы» с большей вероятностью являются выигравшими и рассчитывают на свои собственные силы. Это характерно для обоих городов, что и пока-

зывает регрессионный анализ¹ на двух выборках (см. таблицу 6). Различие заключается в том, что в число предикторов в Санкт-Петербурге входит только данная категория, а в Шанхае, хоть с менее значимым весом входит и категория «такой как все».

Таблица 6

Характеристики, определяющие самоидентификацию «выигравший»

Категории	B	S.E.	Wald	Df	Sig.	Exp(B)
Санкт-Петербург						
Хозяин своей судьбы	0,783	0,130	36,013	1	0,000	2,188
Constant	-1,246	0,080	243,401	1	0,000	0,288
Шанхай						
Такой как все	0,322	0,107	8,959	1	0,003	1,379
Хозяин своей судьбы	0,683	0,127	28,835	1	0,000	1,980
Constant	-1,007	0,081	153,850	1	0,000	0,365

В каждой из стран понимание успеха вписано в культуру, определяется нормами и условиями жизни. Наши данные дают лишь повод для размышлений. Для китайской традиционной культуры понимание успеха укоренено в представлении о том, что стремление к благополучию не должно противостоять интересам окружающих, прежде всего, членам своих групп. В китайской культуре успешный человек – это человек, преследующий свои интересы и выстраивающий гармоничные отношения с окружающими. Российский горожанин имеет несколько иное понимание «успеха», – наполненное, скорее, индивидуалистическим содержанием. При этом такие качества, как честность и законопослушность, оцениваются им как менее важные в сравнении с личностными качествами.

Приведём ещё некоторые факты из данных исследования. Примером того, что российские граждане более индивидуалистичны в своих стратегиях, являются ответы на вопрос: «От чего зависит успех человека в обществе?». Более 40% жителей Санкт-Петербурга полагают, что успех человека в обществе определяют только его собственные усилия. Петербуржцы в значительно большей степени, чем шанхайцы, ставят социальную успешность в зависимость от личных усилий, то есть проявляют более высокую интернальность. В Шанхае такие ответы можно видеть реже, но всё же они есть – 20%, что при культурной норме принимать во внимание окружающих, немало. Тем не менее, преобладающим является сбалансированное мнение о том, что соци-

¹ Использовалась бинарная статистическая регрессия, где зависимой переменной выступал выбор респондентом идентификации в качестве выигравшего (1), а независимыми – наличие выбора личностных характеристик.

альное благополучие – результат не только собственных усилий человека, но и действия внешних обстоятельств. Большинство опрошенных (63%) отдадут должное одновременно собственным усилиям и внешним обстоятельствам в достижении успеха (см. таблицу 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Собственные усилия или внешние обстоятельства определяют положение успешных людей в обществе?», %

Варианты ответов	Санкт-Петербург	Шанхай
Полностью собственные усилия	16,8	2,7
В основном собственные усилия	26,3	17,6
Наполовину собственные усилия, наполовину внешние обстоятельства	39,3	62,7
В основном внешние обстоятельства	11,1	10,0
Полностью внешние обстоятельства	2,8	4,0
Затрудняюсь ответить	3,7	2,9
Всего	100,0	100,0

Можно увидеть и схожие тенденции в Санкт-Петербурге и Шанхае: выигравшие, как правило, чаще полагаются на собственные усилия, проигравшие – на внешние обстоятельства. В Петербурге выигравшие заметнее отличаются от проигравших, чем в Шанхае (см. таблицу 8).

Таблица 8

Средние значения по группам самоидентификаций (ближе к 1 – собственными усилиями, ближе к 3 – внешними обстоятельствами)

Самоидентификации	Санкт-Петербург		Шанхай	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Выигравшие	1,49	0,62	1,77	0,55
Не выиграл, не проиграл	1,64	0,64	1,86	0,53
Проигравшие	2,01	0,83	2,20	0,59
Вся выборка	1,70	0,72	1,91	0,57

Индивидуалистичные стратегии – это более вероятный выбор выигравших, именно этим они отличаются от проигравших. Такова формула в обоих городах, но более ярко она выражена в Санкт-Петербурге и более сбалансирована в Шанхае. Китайский вариант мягче, различия не так сильны. И ключевое отличие – в Шанхае всё же вряд ли можно выиграть, не принимая во внимание интересы других.

Опора на собственные силы, развитая интернальность, как правило, отличают людей, достигших успеха, людей молодых, и в этом нет ничего удивительного. Примечательно, что более 40% российских респондентов связывают достижение успеха *только* с собственными усилиями. Другие российские исследования также выявляют данный факт. Так, в национальной выборке половина российских респондентов выбрали ответ «Единственный способ достичь успеха – это действовать самому» [Готово ли российское общество..., 2010: 93]. Во многом данный постулат обуславливает то, что внешние обстоятельства и правила видятся людям не дружественными, а скорее мешающими достигать поставленные человеком цели.

Итак, одна сторона современного процесса индивидуализации, а именно соответствующая неолиберальному представлению о самодостаточном «хозяине своей жизни» воплощается в российских выигравших гораздо сильнее, чем в китайских. Хотя можно сказать, что и в Шанхае проявляется тенденция индивидуализации стратегий, но с одним немаловажным отличием: китайские выигравшие не пренебрегают коллективистскими нормами общежития, а, наоборот, высоко их ценят.

Резюме

При различиях культур, что отчётливо проявилось в исследовании, в обоих городах можно заметить общие тенденции к проявлению индивидуализации, особенно в группах молодых возрастов. Однако интенсивность процесса в Санкт-Петербурге и Шанхае различается.

По сравнению с китайской культурой, представленной шанхайскими данными, современная российская культура (как она выглядит по опросу в Санкт-Петербурге) более индивидуалистична и более ориентирована на современные конкурентные, нежели традиционные коллективистские ценности. Петербуржцы сильнее ценят такие персональные качества, как чувство собственного достоинства, профессионализм и предприимчивость. Ориентация на конкурентные ценности имеет место и в Шанхае, особенно среди молодёжи: многие молодые китайцы отмечают важность конкурентных личных качеств. Но важно то, что шанхайцы при этом чаще, чем петербуржцы, ориентируются на законопослушность, ответственность, неравнодушие к коллективу и гармоничные от-

ношения с окружающими. Китайские данные дают основания утверждать, что социорегулятивная система в крупном современном мегаполисе — таком, как Шанхай, пока сохраняет традиционные рамки и не подверглась сильной коррозии, хотя это влияние уже заметно, особенно в молодёжных когортах.

В обоих городах выигравшие, по сравнению с проигравшими, чаще рассчитывают на индивидуалистические стратегии. Они чаще полагают, что успех зависит от собственных усилий, нежели от внешних обстоятельств (интернальный локус контроля по Роттеру). В этом состоит сходство.

Но более информативными являются различия. Китайский «кейс» оттеняет российские проблемы, которые без подобного сопоставления вряд ли можно было бы чётко увидеть. Лакмусовой бумажкой служат группы *выигравших*. В Петербурге выигравшие, по сравнению с остальным населением, не только более индивидуализированы, но и менее кооперативны: меньше ценят нормы социального общежития — законопослушность, ответственность. В Шанхае выигравшие ценят кооперативные качества, их индивидуалистические ценности и ценности уважения интересов других более сбалансированы.

И дело здесь, как представляется, не только в особенностях культуры народов двух стран. Определённо сказывается эффект стратегии осуществления рыночных реформ. Структурные изменения сопровождаются ростом социального неравенства в обоих обществах. Но субъективное восприятие неравенства в России острее, оно вызывает глубокий ресентимент. Ресентимент — это зависть к успеху другого, который добился благополучия не столько путем кропотливого труда, знаний, умений и т. п., сколько благодаря приспособлению к изменившимся условиям жизни и даже за счёт других. Система продвижения и распределения выглядит особенно несправедливой, прежде всего, для тех, кто проиграл. Субъективная дистанция между выигравшими и проигравшими гораздо заметнее в Санкт-Петербурге, чем в Шанхае [Данилова, Черныш, 2010: 25-52]. Общественное устройство видится здесь как игра с нулевой суммой — в силу ограниченности ресурсов их распределение выгодно одним за счёт других.

Кроме того, налицо процесс деинституционализации, выраженный в утрате старых институтов и слабом развитии новых, рыночных (например, рынок труда). Петербуржцы в меньшей степени, чем прежде опираются на социальную поддержку институтов, призванных делать это в первую очередь. В результате люди сталкиваются с неопределённостью регулятивных правил и норм, что порождает «сомнительную свободу». В таких условиях для того, чтобы выиграть, нужно проявить немало личных усилий. При одинаковых каналах продвижения в обществе петербуржцы затрачивают больше собственных сил, чем шанхайцы. В этом смысле неутраченная коллективность китайцев позволяет применять принцип вариативной суммы (если кто-то

выигрывает, это приносит пользу всем), а не нулевой (перераспределительной), как в Санкт-Петербурге. Такая система способствует не столько современной индивидуализации, сколько пока «дикому» её варианту, когда «каждый сам за себя», а конкуренция нередко видится вне зон ответственности и закона.

Литература

Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: «Весь Мир». 2010. 344 с.

Данилова Е. Н. Выигравшие и проигравшие в результате реформ в России и Китае // «Социологические исследования» (СоцИс). 2012. № 9.

Данилова Е. Н., Черныш М. Ф. Опыт российских и китайских реформ: результаты сравнительного исследования в Санкт-Петербурге и Шанхае // Мир России. 2010. Том XIX. № 4.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М: Аспект-пресс. 2003. 485 с.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики. 1994. 267 с.

Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: ИС РАН 2011. 172 с.

Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС. 2003. 224 с.

Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2.

Магун В. С. Ценностный реванш в современном российском обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып. I / Под ред. Т. И. Заславской и Л. А. Арутюнян. М.: 1994. 320 с.

Магун В. С., Руднев М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. Т. 93. № 1.

Магун В. С., Руднев М. Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика социализации // Образовательная политика 2010. № 7-8 (45-46).

Сасаки М., Латов Ю. В., Ромашкина Г. С., Давыденко В. А. Доверие в современной России // Вопросы экономики. 2010. № 2.

Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., Москва: ЕУСПб. Летний сад, 2002. 511 с.

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис. 2006. 112 с.

Archer M. The Current Crisis: Consequences of Neglecting the Four Key Principles of Catholic Social Doctrine. 2010. [Электронный ресурс] // Peace from harmony URL: http://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=438 (Дата обращения 13.06.2013)

Bauman Z. The individualized Society. Cambridge: Polity. 2001. 272 p.

Beck U, Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. London and Thousand Oaks, CA: SAGE. 2002. 248 p.

China urbanizes: consequences, strategies and policies / edited by Shahid Yusuf and Anthony Saich. The International Bank for reconstruction and Development / The World Bank. 2008.

Danilova E., Yadov V. Russian Labour Culture: How It Looks Like From Comparison. // International Review of Sociology. 2010. Vol. 20. № 1.

Fei Xiaotong. From the Soil: The Foundations of Chinese Society. A Translation of Fei Xiaotong's Fei Xiaotong. From the Soil: The Foundations of Chinese Society. A Translation of Fei Xiaotong's Xiangtu Zhongguo, with an Introduction and Epilogue by Gary G. Hamilton and Wang Zheng. University of California Press. Berkeley. Los Angeles. London. 1992. 170 p.

Hofstede G. Cultures and Organizations. Software of the Mind. London: HarperCollinsBusiness. 1994. 279 p.

Magun V., Rudnev M. The Life Values of the Russian Population. Similarities and Differences in Comparison with Other European Countries. // Sociological Research. 2010 Vol. 49. № 4.

Yang Yiyin. Guanxillization or categorization: psychological mechanisms contributing to the formation of Chinese concept of "us". Working papers. Beijing. Institute of Sociology of CASS. 2010 Vol. 5.